

Новая выставка в старом Музее личных коллекций Четыре искусства

Сергей Сафонов

Когда на пике январских морозов художник Михаил Яхилевич вышел из самолета в столичном аэропорту, он был в пиджаке: в Израиле в те дни было двадцать градусов тепла. Прежние московские знакомцы (Михаил покинул Отечество в 1991-м) подобрали-обогрели внука известного советского художника Меера Аксельрода (1902—1970). Вследствие чего выставка «Общая тетрадь. Три поколения семьи Аксельрод», устроенная ГМИИ имени А.С. Пушкина в прежнем здании Музея личных коллекций, открылась в срок, без потерь и при большом стечении публики. Возможно, причина зрительского интереса еще и в том, что Аксельрод в последнее время довольно стабильно присутствует на московской арт-сцене. То его наследие задействовано в выставке «Американский брат», посвященной деятельности Американского еврейского объединенного комитета «Джойнт» в России, то в проекте «Они действительно были» памяти искусствоведа Ольги Ройтенберг, всю жизнь занимавшейся недооцененными отечественными мастерами середины XX века.

Хотя судьба самого Аксельрода, плодотворно работавшего десятилетиями и оставившего наследникам и музеям сотни произведений, довольно безоблачна. Уроженец еврейского местечка Молодечно в Белоруссии, с началом Первой мировой войны он оказался в Тамбове; там начал учиться рисованию. В дни ре-

волюционных событий добрался до Минска — учился, зарабатывал на жизнь плакатами, участвовал в выставках. В 1921-м Аксельрод обнаружился уже в Москве. Владимир Фаворский и другие выдающиеся художники, преподававшие во ВХУТЕМАСе-ВХУТЕИНе, оказали тогда на него сильнейшее влияние. Аксельрод, ставший участником творческого объединения «4 искусства», по завершении учебы сам начал преподавать. К тому же плотно занялся рисованием для журналов и книжной иллюстрацией — оформил, в частности, «Историю моей голубятни» Исаака Бабеля.

Выставка в МЛК конспективно обозначает творческий путь Аксельрода. В самом ее начале — карандашный «Автопортрет» 1921 года, провинциальные белорусские пейзажи, типажи. Этот зал озаглавлен «Местечко и старый Минск». В следующем доминирует тема «Война. Беженцы», хотя в нем же присутствуют гуашевые эскизы росписей Дома правительства в Минске, выполненные художником в начале 1930-х. Впрочем, «Оплакивание умерших» (1921) и «Изгнание евреев» из серии «Гражданская война» (1927) тоже здесь. Графический цикл «В степи», исполненный гуашью и акварелью, а также карандашами, составляет основу экспозиции третьего зала: творческие поездки Меера Аксельрода в сельскохозяйственную еврейскую коммуны «Войно-Ново» в Крыму пришлось на 1930—1931 годы. То, что в творчестве других советских худож-

ников запросто могло обернуться ходульной «темой труда», в его листах реализовано деликатно и к тому же без чрезмерного акцентирования национальной темы. Но, так сказать, по факту творчество Аксельрода все-таки прочитывается как хроники еврейской жизни в молодой (а потом — и не очень) советской республике. Особо надо сказать о театральных опытах художника; в МЛК эскизы костюмов и декораций также сконцентрированы обособленно и несут в себе все лучшие черты станкового творчества мастера. Им были оформлены многие спектакли московских и белорусских театров, и даже в эвакуации Аксельрод продолжал выполнять работу сценариста и художника по костюмам. Трудясь в алма-тинской съемочной группе Эйзенштейна, он выполнил эскизы фресок для «Ивана Грозного».

Семейный проект не обходит вниманием и других авторов. Младший брат Меера Аксельрода, Зелик, учился в Литинституте и публиковал стихи на идише; в 1941-м он был арестован и расстрелян. Дочь Меера Аксельрода Елена также тесно связана с литературой: поэт и переводчик, автор семи книг лирики, она уехала из России вместе с сыном. Стихи обоих поэтов опубликованы в каталоге выставки. Живописи инициатора проекта Михаила Яхилевича — это по преимуществу написанные маслом израильские городские пейзажи — отданы заключительные залы экспозиции.

Меер Акселерод. Иллюстрация к книге Шолом-Алейхема «Монологи». 1947 год